

Когда Лю Циньхэн уснул, Цзинчи тихонько вытащил из-под подушки его телефон и, опираясь на цифры, которые тот недавно упомянул, попытался подобрать пароль для разблокировки экрана.

Цзинчи дважды потерпел неудачу, его ладони от волнения взмокли. Но когда в третий раз он ввел 5026, экран телефона мигнул.

Разблокировалось.

Он с облегчением выдохнул, хотя сердце невольно забилось чаще. Цзинчи быстро открыл галерею и обнаружил там лишь фотографии пейзажей и несколько снимков Лю Циньхэна с друзьями — ничего примечательного.

Он уже собирался отложить телефон, как вдруг заметил скрытую папку. Внутри оказались наброски, сделанные рукой Лю Циньхэна, и на всех рисунках был изображен он сам. Цзинчи потрясенно расширил глаза.

В этот момент за спиной раздался ленивый голос Лю Циньхэна:

— Ты и правда ужасно любопытный.

Цзинчи вздрогнул, его лицо вспыхнуло, и он начал сбивчиво оправдываться:

— Я... я просто...

Лю Циньхэн сел, протянул руку, забрал телефон и с улыбкой произнес:

— На самом деле, я понял, что ты задумал, еще когда ты спросил, есть ли у меня любимое число. Я специально сказал тебе, глупышка.

Цзинчи замер, а затем уголки его губ медленно поползли вверх. В глубине души разлилось какое-то странное, теплое чувство.

Лю Циньхэн посмотрел на покрасневшее лицо Цзинчи и не удержался, чтобы не ущипнуть его за щеку:

— Ну почему ты такой милый?

Цзинчи отшлепнул его руку:

— Кто... кто милый? — но скрыть улыбку на лице он не мог.

— Я долго рисовал эти картины. Каждый раз, когда скучал по тебе, делал новый набросок, — взгляд Лю Циньхэна стал нежным и глубоким.

Сердце Цзинчи дрогнуло. Оказывается, он так много значил для него.

— А почему ты скрыл папку? — тихо спросил Цзинчи.

— Потому что это был мой личный секрет. Но теперь он может стать нашим общим, — Лю Циньхэн приблизился к Цзинчи, и его горячее дыхание коснулось лица юноши.

Цзинчи почувствовал, как его лицо охватил жар. В этот момент Лю Циньхэн легко коснулся его лба поцелуем — невесомым, словно прикосновение перышка.

Затем Цзинчи обхватил его голову руками и сам потянулся к его губам. Воздух вокруг мгновенно стал сладким. С этого момента они стали друг для друга самыми уникальными и важными людьми во всем мире.

Когда поцелуй закончился, Цзинчи с надеждой спросил:

— Можно мне посмотреть, как ты меня нарисовал?

Лю Циньхэн приподнял бровь:

— Конечно.

Он снова открыл телефон и зашел в скрытую папку. Перед глазами Цзинчи предстали рисунки: он сам — улыбающийся, задумчивый, смотрящий в небо. Каждый штрих был невероятно живым.

Цзинчи засмотрелся и невольно восхитился:

— Ты так здорово рисуешь.

Лю Циньхэн прислонился к его плечу и прошептал:

— Потому что ты достоин того, чтобы тебя изображали лучше всех.

Вдруг Цзинчи указал на одну из картин:

— А почему здесь на фоне обрыв?

Лю Циньхэн помедлил, а затем тихо ответил:

— В тот раз ты отправился в путь один. Я тайком пошел следом и увидел, как ты стоишь на краю утеса, глядя вдаль. Эта картина была такой прекрасной, что я запомнил ее навсегда.

На сердце у Цзинчи стало тепло. Он взял Лю Циньхэна за руку и сказал:

— Больше мы никуда не будем ходить поодиночке.

Лю Циньхэн крепко сжал его ладонь в ответ:

— Хорошо.

Они долго сидели, прижавшись друг к другу, перелистывая рисунки, полные любви. Казалось, время остановилось, и в комнате остались лишь глубокая привязанность в глазах друг друга и уютная тишина, принадлежащая только им двоим.

Внезапно открылся файл с текстом, и слова предстали перед глазами: «Если бы судьба дала мне шанс выбрать снова, я бы все равно сделал тот же выбор, что и в первый раз».

Глаза Цзинчи мгновенно покраснели. Он повернулся к Лю Циньхэну. Тот смущенно почесал затылок:

— Это я написал для себя, когда-то давно.

Цзинчи шмыгнул носом:

— Когда ты это сделал?

Лю Циньхэн вспомнил:

— Однажды меня пригласили на арт-мероприятие, где можно было превратить текст в креативную картинку. Вот я и сделал это.

Цзинчи был глубоко тронут. Он крепко обнял Лю Циньхэна:

— Ну почему ты такой дурачок?

Лю Циньхэн погладил его по спине:

— Только ради тебя я стал таким дурачком.

Цзинчи продолжил листать.

«Я влюбился в одного парня. Он такой послушный и красивый, даже солнечный свет кажется лишь его нарядом для радости. Я хочу отдать ему все самое прекрасное в этом мире, но сам я недостаточно хорош, поэтому боюсь показаться ему на глаза».

Читая эти строки, Цзинчи не мог сдержать слез.

— Не читай больше, давай поедим. Мы ведь собирались после обеда поехать в Минъянь

смотреть дом?

— Нет, я хочу читать дальше! — Цзинчи выхватил телефон из рук Лю Циньхэна.

«Его улыбка, словно солнечный свет, пробивающийся сквозь облака, осветила весь мой мир. Я шел за ним издалека, и с того дня я полюбил уличные фонари у него за спиной, травинки под его ногами — все вокруг стало особенным из-за него».

«Сегодня у него день рождения. Я приготовил для него красивый браслет с трекером, но побоялся вручить лично. Пришлось просить знакомых незаметно вложить его в учебник. Если он попадет в беду, я смогу примчаться первым. Наверное, это мой способ защищать его».

Так вот почему тот лимитированный браслет оказался у него! Однокурсники тогда долго завидовали ему.

«Моему любимому юноше: в этой робкой безответной любви я годами следил за его радостями и печалью, но так и не решился признаться. Для него эти чувства бесполезны, но в моем сердце они остались самыми прекрасными воспоминаниями юности».

Дочитав последнее изображение, Цзинчи был потрясен настолько, что не находил слов.

Лю Циньхэн осторожно вытер его слезы:

— Прошлое уже не важно.

Цзинчи ласково погладил его по щеке и нежно поцеловал в переносицу:

— Я буду всю жизнь заботиться о тебе и никогда не предаю твои чувства и твою верность.

Они так и заснули, прижавшись друг к другу. Услышав ровное дыхание Цзинчи, Лю Циньхэн понял, что тот уснул.

Он бережно уложил его на кровать, а сам тихонько прокрался на кухню. Он давно мечтал приготовить для Цзинчи роскошный обед. Лю Циньхэн упорно оттачивал кулинарное мастерство, желая, чтобы однажды Цзинчи попробовал еду, приготовленную его руками.

Напевая под нос, он умело резал и обжаривал овощи, вкладывая в каждое движение свою безграничную любовь.

Проснувшись, Цзинчи почувствовал аромат еды. Он пришел на кухню и обнял Лю Циньхэна со спины.

Лю Циньхэн на мгновение напрягся, а затем расслабился, и его лицо озарила счастливая улыбка.

— Ну почему ты такой глупый? Столько лет прошло, почему ты не мог просто спросить меня?
— с укором спросил Цзинчи.

— Я боялся, что ты мне откажешь, — Лю Циньхэн обернулся, его глаза сияли.

Цзинчи ткнул его пальцем в лоб:

— Дурачок, ты даже не попробовал, но уже решил, что я откажу.

Лю Циньхэн потерся щекой о лицо Цзинчи:

— Я не глупый, я считаю, что оно того стоило. Иди мой руки, будем обедать, а после обеда поедем смотреть дом.

Цзинчи с улыбкой кивнул.

После обеда они поехали в коттеджный поселок Минъань.

Цзинчи был полон энергии и всю дорогу щебетал, как радостная птичка, делясь своими мыслями о будущем доме. Лю Циньхэн лишь нежно слушал его, время от времени вставляя слова согласия.

По прибытии менеджер и сотрудники радушно встретили их и проводили внутрь.

Цзинчи осматривал каждый уголок дома, а Лю Циньхэн вышел на балкон, представляя, как они будут встречать здесь рассветы и провожать закаты.

В этот момент Цзинчи подошел сзади и обнял его:

— Теперь это наш дом.

Лю Циньхэн повернулся, его глаза светились нежностью:

— Завтра я найму людей, чтобы они все переделали по твоему вкусу.

Цзинчи взял его за руку и невероятно мягко произнес:

— Я хочу обустроить наш дом сам. А ты просто спокойно занимайся своей работой.

— Хорошо!

<http://bllate.org/book/19428/1902400>